

УДК 75.011.2

«РЫБАЧКИ» ВЛАДИМИРА ЕГОРОВИЧА МАКОВСКОГО. МАЙЕВТИЧЕСКИЙ
ПОТЕНЦИАЛ

Смолина Майя Гавриловна

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия
smomg@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8336-5237>

Аннотация. К предпосылкам данного исследования стоит отнести генезис термина «майевтика» и его использование в теории изобразительного искусства В.И. Жуковского и его круга соавторов в качестве обозначения аспекта искусствоведческой деятельности. Раскрытие майевтических схем рождения визуальных понятий в произведении искусства ведет к возможности углубления пространства диалога в музейной педагогике, педагогике искусства и арт-критике. Целью статьи стало приведение примера раскрытия майевтического потенциала методами философско-искусствоведческого анализа конкретного произведения из фондов музея. Выбор живописного произведения «Рыбачки» продиктован тем, что полотно находится в постоянной экспозиции музея, неизменно привлекая к себе внимание посетителей, а также 180-летним юбилеем автора работы, русского художника-передвижника Владимира Егоровича Маковского. Результатами исследования стала оценка майевтического потенциала художественного образа, приведенная к трем основным показателям: личностный вклад, контекст эпохи, общечеловеческий (вневременной) контекст. Личностный аспект содержания картины восходит к идее единства и различия героев-«братьев». Лаконизм и миниатюрность картины не позволяет считать контекст эпохи ведущим параметром майевтического потенциала, хотя есть следы пореформенного времени. Вневременной контекст, напротив, богат: «ареаклассицистическая» доминанта делает из персонажей вечных борцов в напряженном диалоге с жизнью. Основной вывод связан с тем, что репрезентант наделен высоким уровнем майевтического потенциала с точки зрения личностного и общечеловеческого контекстов, а на срезе отражения эпохи явлен средний уровень с тенденцией к высокому.

Ключевые слова: Владимир Егорович Маковский, «Рыбачки», майевтический потенциал, майевтика, искусствоведение

Для цитирования: Смолина М. Г. «Рыбачки» Владимира Егоровича Маковского. Майевтический потенциал [Текст] / М. Г. Смолина // Сибирский искусствоведческий журнал. – 2026. – Т. 5. – № 2. – С. 107-116.

"FISHERMEN" BY VLADIMIR MAKOVSKY. THE MAIEUTIC POTENTIAL

Natalia Sergeevna Popova

Siberian Federal University, Krasnoyarsk Art Museum named after V.I. Surikov, Krasnoyarsk, Russia
smomg@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8336-5237>

Abstract. The prerequisites of this research include the genesis of the term “maieutics” and its use in the theory of fine art by V.I. Zhukovsky and his circle of co-authors as a designation of an aspect of art criticism. The disclosure of maieutic schemes of the birth of visual concepts in a work of art leads to the possibility of deepening the space of dialogue in museum pedagogy, art pedagogy and art criticism. The purpose of the article was to give an example of the disclosure of maieutic potential by methods of philosophical and art criticism analysis of a particular work from the museum funds. The choice of the painting "Fishermen" was dictated by the fact that the canvas is on permanent display at the museum, invariably attracting the attention of visitors, as well as by the 180th anniversary of the author of the work, the Russian Peredvizhniki artist Vladimir Makovsky. The

results of the study were an assessment of the maieutic potential of the artistic image, reduced to three main indicators: personal contribution, the context of the era, and the universal (timeless) context. The personal aspect of the painting's content is rooted in the idea of the unity and differences between brothers. The painting's brevity and miniature size make it difficult to consider the context of the era as a key parameter of its maieutic potential, although there is a trace of the post-reform era in the external and internal psychological layers. In contrast, the timeless context is rich, as the areaclassical dominant makes the characters eternal fighters in a tense dialogue with life. The main conclusion is that the representative has a high level of maieutic potential in terms of the personal and universal contexts, and the average level with a tendency towards high is reflected in the era.

Keywords: Vladimir Makovsky, "Fishermen", maieutic potential, maieutica, art history

For citation: Smolina, M. G. (2026). "Fishermen" by Vladimir Makovsky. The Maieutic Potential. Siberian Art History Journal, 5(2), 107-116.

Постановка проблемы

Творчество художника-юбиляра Владимира Егоровича Маковского (1846-1920) актуально по той причине, что в Красноярском государственном художественном музее имени В.И. Сурикова имеется его работа, которая неизменно привлекает внимание посетителей постоянной экспозиции в зале передвижников, где нередко останавливается экскурсовод, медиатор, и, собственно, зритель.

Майевтика – это искусство убеждения в Древней Греции, знаменитый метод Сократа, метаискусный в своем иронико-провоцирующем подходе. В рамках современной образовательной практики в контексте теории изобразительного искусства В.И. Жуковского (Zhukovskii, 2004; Zhukovskii, 2010; Zhukovskii, 2012; Zhukovskii, 2015; Zhukovskii V.I., Koptseva N.P., Pivovarov, 2006; Zhukovskii, Pivovarov, 1991), он определяет майевтику как один из аспектов искусствоведения, особенно в том, что связано с образованием по истории искусства, педагогикой и критикой искусства. Произведение искусства имеет внутренние закономерности в своей структуре, своего рода виртуальную схему, которая прошита майевтическими «кодами». В каждом произведении искусства заложен потенциал, который

можно раскрыть самостоятельно или через опытного майевта.

Проблемой видится отсутствие опубликованных структурированных и целенаправленных примеров оценки майевтического потенциала, тем более в отношении живописного произведения В.Е. Маковского «Рыбачки» (рис.1).

Рис.1. В. Е. Маковский. Рыбачки. 1886. 10,3x16,7. Дерево, масло. Красноярский художественный музей имени В.И. Сурикова

Целью статьи является приведение примера критической оценки майевтического потенциала отдельно взятого произведения изобразительного искусства.

Обзор научной литературы по проблеме

Научная литература по майевтике и ее внедрению в образование представлена различного рода публикациями в сфере педагогики и культурологии (Gritsanov, 2011; Shatin, 2001). Ю.В. Шатин проводит

границы между герменетикой и майевтикой как двумя способами понимания текста: автор отводит герменевтике ценность убедительности, связывая майевтику с иронией (Shatin, 2001). Майевтику как сократическое мышление нельзя отождествлять с критическим мышлением, как считает В.М. Карелин (Karelin, 2017). Аргументируется это тем, что у участников беседы имеется наивная вера в существование истины, в открытие, которое непременно должно наступить, и это зависит только от упорства изучающего. Автор статьи «Решит ли майевтика проблемы гуманитарного образования?» (Karelin, 2017) считает, что майевтика Сократа не сможет помочь развить навыки социальной критики, например, в русле изучения истории цивилизаций. Очевидно, что автор статьи при том не касается специфической искусствоведческой деятельности, связанной с точно направленной художественной критикой, для которой произведение искусства это отдельно взятая целостность. Однако, общее мнение поддерживают почти все авторы, – это кризис образования, требующий методических сдвигов. Например, актуальность традиции учительства в духе Сократа в высшем образовании описана у автора М.А. Маниковской, которая считает это сродни лайф-коучингу (Manikovskaya, 2018). Стоит вспомнить научные работы искусствоведа В.И. Жуковского и ученых его круга (Zhukovskii, Pivovarov, 1991; Zhukovskii, 2004; Zhukovskii, 2010; Zhukovskii, 2012; Zhukovskii, 2015; Zhukovskii V.I., Koptseva N.P., Pivovarov, 2006), в которых майевтика один из трех аспектов искусствоведческой деятельности. Не все критики верно понимают майевтику в русле модели искусствоведения как триединства. Следует же понимать ее именно как один из трех, подчеркнем, взаимосвязанных аспектов искусствоведения. В этом отношении в теории Жуковского не предполагается никакого раздельного существования арт-майевтики от

«исследования» и «знаточества», разделение аспектов является условным.

Таким образом, тема майевтики в контексте преподавания в современном исследовательском поле присутствует, однако, по-прежнему не явны конкретные инструменты и критерии, которые были бы применимы для оценки майевтического потенциала в русле методологии искусствоведения.

В научной литературе даются общие характеристики и оценки творчества Владимира Егоровича Маковского, часто в контексте семейной династии его представляют как брата К.Е. Маковского. Творчество Маковских-братьев считается интересным материалом с точки зрения педагогики искусства и воспитания нравственных (семейных) ценностей (Sabirova, 2018). Отмечено, что расцвет творчества Владимира Егоровича пришелся на период спада духа обличительства (Guselnikova, 2010). Закат ТПВХ совпал с закатом его жизни, как отмечается в статье, в которой составляется психолого-биографический портрет художника (Filipova, 2023). Представлен анализ картины Владимира Маковского «Объяснение» (Shamsheva, 2025), новые публикации возникают в связи с юбилеем художника. Есть в научной литературе также разбор серии картин народнического содержания (Valkova, 2017), исследование творчества живописца в контексте жанровой проблемы (Tsvetaeva, 1990) и поисков источника литературного вдохновения (Afanasyeva, 2023). Интересные наблюдения в целом по творчеству живописца сделаны в статье И.А. Афанасьевой, в частности, отмечено, что один из любимых приемов художника – сравнение двух героев (две сестры, две матери, два приятеля, оптимист-пессимист). Также среди художественных тропов передвижника говорится о психологическом пейзаже, во многом, родом из литературы (Afanasyeva, 2023a).

Таким образом, в научной литературе по Владимиру Маковскому произведена высокая оценка

образовательно-педагогического потенциала его творчества, проведен анализ черт творчества, в том числе отраженных в отдельных работах и сериях, но до сих пор не был сделан разбор картины «Рыбачки» В.Е. Маковского с точки зрения его майевтических возможностей.

Причины актуальности репрезентанта

Обращение к «Рыбачкам» В.Е. Маковского не случайно, ведь даже несмотря на свой миниатюрный размер (10,3x16,7), картина обладает мощным стимулом для коммуникации с ней. Наоборот, ее размерность уже является неким вызовом на разговор, так как заставляет взгляды и сопереживать трудноуловимому, и из-за этого хрупкому моменту, мимо которого так легко было пройти и не заметить, упустив из виду нечто трогательное. Малый размер хорошо соотносится с юным возрастом персонажей и с названием картины, в которой мы видим уменьшительно-ласкательную форму слова. Названо с отеческой нежностью и покровительством – «Рыбачки».

Картина написана маслом на дереве. Этим объясняется такая приятная гладкая поверхность в спокойной глади воды и песочных берегах. Материальный статус художественного образа удивительно завораживающ своей тактильностью восприятия. Он так и просится для признания восхищения: мы выглядываемся в поверхность краскоформы (большая зона желтого цвета), ощущаем маслянистость фактуры, видим следы касаний кисти в некоторых местах, можем себе представить, как в далеком 1886 году художник прикасался разными движениями кисти к этой поверхности: где-то быстрые точечные касания (в нижней части), где-то медленные и плавные (выше, между фигурой и травяными пятнами). Безошибочно при этом определяя, что это «песчаный берег», можно понять это разнообразие мазков как живые темпоритмы жизни – то быстро, то медленно («то пусто, то густо»). Время часто кажется медленным, но как в песочных часах, оно продолжает утекать

песчинка за песчинкой. Также этими приемами живописец добился ощущения глубины: в нижней части картины мы видим песок более подробно, а выше – далекий, смазанный вид песка. Не правда ли, что речь о субъективном переживании времени, о перспективе как попытке заглянуть в будущее. Само наличие песка на берегу навеивает мысли о пространстве и времени, о жизненных координатах бытия.

Продолжая взгляды в поверхность раскрашенного дерева, стоит обратить внимание на сосредоточенное в верхней части композиции расплывчатое темное пространство, сконструированное разнообразными по длине мазками зеленоватых оттенков. Загадочность его рождается преобладанием темных пятен, светлые короткие мазки являют нам свежесть и радость (точки- полевые цветы, брызги свежей зелени) данной зоны. Можно формализовать это как «лес», подразумевая сложносоставный индекс, превращающийся в «смутный и таинственный густой лес» на иконическом уровне. Пробудим ассоциации: с чем связан лес? Архетипически лес связан с неизвестностью и опасностью для русского человека с давних пор, не случайно это обусловлено практически фольклорно – таинственный лес как пространство испытаний сказочного героя.

Следующий фрагмент, который можем наблюдать – это темная краскоформа, изборожденная контрастными светлыми длинными тонкими горизонталями, с помощью которых передается гладкая поверхность стоячей воды, с небольшими приливами, поднимающими борозды на тихой поверхности. Мы формализуем индекс воды, водоема. «Какая вода?», - продолжаем вопрошать картину, ведя к иконической знакописи. Она таинственная, неоднородная – где-то светлее, где-то темнее. Спокойная, но все же не вполне, есть какие-то скрытые, едва заметные движения. Под водой есть какая-то жизнь. Мутный водоем наполнен внутренней

жизнью, поверх которой мы видим тишь да гладь.

Но река ли это или озеро? Этот вопрос немного возвращает нас на нерешенность проблем индексного статуса, который можно испытать вторично. Чтобы ответить на этот вопрос, подробнее рассматриваем и другие зоны поменьше – наблюдая z-образную краскоформу ближе к левому верхнему углу (рис.2), приходим к выводу: цветение воды (заболоченный участок). Цветение не свойственно рекам. Это скорее озеро, вода стоячая. В этой воде, скорее всего, есть хорошая озерная рыба.

Рис.2. Краскоформа. Цветение воды (левый верхний угол)

Интегрально-иконически на картине безлюдная местность: дикая, глухая, тихая (как настоящие рыболовы, они пришли в эту неисхоженную людьми местность не развлекаться, а добыть пищу).

В центральной зоне материально-физически представлен набор пятен, который ассоциирован с главными персонажами. Если смотреть на них с точки зрения комбинации пятен красочной поверхности, то именно здесь самое светлое пятно почти треугольной формы («колени»), не случайно это самое светлое пятно на всей поверхности картины (рис. 3). Естественно, что символически речь идет о самом чистом и незамутненном - детской душе.

Рис.3. Светлая краскоформа.

Красная краскоформа («рубашка») рядом более округлая, что работает на идею замкнутости ребенка и кипения в нем страстей и желаний. Сочетание красного и белого не напоминает ничего? Правильно, кровь с молоком! Так обычно говорят о младенцах, детях. Тут же важно: он с непокрытой головой. Еще один признак его открытости, непосредственности отношений с миром. Волосы, аккуратно стриженные под горшок, они словно поцелованы солнцем – так нежно поглаживает их кисть живописца, выписывая пряди и блики.

Его брат (будем считать его братом на основании их сходства) другой: поза его более устойчивая, тело сгруппировано, выдает сосредоточенность. Цвета одежды сдержанные (серый, черный), на голове картуз.

Оба мальчика изображены в профиль, они превратились в слух и зрение. Не случайно прописаны их уши, глаза. Они внимают с терпеливым ожиданием. А если подняться над простым сюжетным объяснением (ловят рыбу, ждут клева)? Давайте подумаем шире: что мальчики ждут от жизни? Как они эту жизнь воспринимают?

Вот рядом с ними лежат вещи. Логично, что они дадут нам представление о героях, ведь они составляют индексную сумму с главными персонажами.

Глиняная крынка. Сосуд, который часто используется для молока. Знак чего эта крынка? Того, что «молоко на губах не обсохло»? Частично ведь они и впрямь юны. Или символ жажды в переносном значении - жажды познания мира? Возможно. Действительно, мальчики любознательны, они внимательно воспринимают природу.

Черное пятно неправильной формы на земле являет что (предположительно)? Вероятно, предмет одежды, которым можно укрыться, на случай, например, дождя.

Композиционно два мальчика заключены в «академический» треугольник

(рис.4), что делает их своего рода хозяевами над природой в этой местности, на этой земле, на этом берегу. «Крынка» поддерживает идею треугольной композиции, также этому способствует и диагональ «берега», и позы «мальчиков», и горизонтально представленная форма (формализованные как «лежащие одежды»), и вытянутые по горизонтали «удочки». Каков вывод из суммирования индексных знаков-спутников основных героев? Рыбачки «собранны», они «собрались» (это визуальное понятие явлено в форме треугольника, традиционного символа духовной победы над материей), т.е. взяли с собой минимум необходимых вещей, продумали возможные риски, и пошли на рыбалку всерьез и надолго.

В целом, треугольные формы-скобки складываются здесь в своего рода скалообразные уступы, это некая сеть скал (рис.3,4,6).

Рис.4. Виртуальный «треугольник», формирующий представление об эталонном фундаментальном духовном единстве.

Самодельные удочки словно две линии жизни, как две пуповины, которые лирически связывают их с природой. Отсюда и тонкая связь с этим озером как с родиной-матушкой. Архетип воды в психоанализе коллективного бессознательного ведет к мифам о рождении. Понятие «братья» как параллельные жизни и судьбы воплотилось в двух аналогично лежащих удочках. Старший, более сознательный ребенок, удочку подпер на колышке и выбрал более длинную основу из дерева.

Их профили вторят друг другу. Удвоенность профилей и их сонаправленность, как в римских камнях, пробуждают прекрасную ясную геометрию классицизма в медальонах и монетах (рис.5).

Рис.5. Геометрическая схема «круга» («медальон», «камея»), подчеркивающая единство двух профилей.

К Древнему Риму и его истории человечество часто обращается как к эталону патриотической идеи и гражданским идеалам. Профильность лиц вместе с отсылками к треугольным композициям (рис.4,5,6), символам крепости духа, в совокупности проявляет признаки ареаклассицизма, к которым в целом можно добавить линейность и ясность картины, зонирование на светлое и темное.

Рис.6. Геометрическая проекция «треугольники» («серия треугольников»), являющая подобие и самостоятельность каждого героя.

Коллективизм претит романтическому одиночеству, но их всего лишь двое, и они наедине с миром, поэтому в разбавленном виде черты ареаромантизма здесь также есть (к ним можно отнести и смутность леса, неясность воды). Также

есть потенциально обсуждаемый виртуальный треугольник (рис.4), который включает в себя обоих мальчиков, однако, возможно, еще слишком юных, чтобы говорить о крепости и незыблемости этой фигуры утопического будущего.

Тема братских отношений и конкуренции между братьями была для самого художника важной. Так как он с двумя своими братьями имели одинаково направленные судьбы, все они были художниками (соответственно, естественная творческая конкуренция воспитывала в них яркие личности), и все работали в реалистическом стиле. У самого Владимира Егоровича Маковского также было трое сыновей. Это все ведет к майевтическому потенциалу картины: возможность раскрыть личностный контекст содержания картины, в связи с семейно-биографическим освещением. Высокая степень личностной вовлеченности по-особому освещает художественный образ «Рыбачков» как соревнующихся между собой в мастерстве братьев, каждый из которых обладает своей индивидуальностью.

Контекст эпохи относится к следующему аспекту майевтического потенциала. Можно вспомнить, что время создания данной работы (после крестьянской реформы) характеризуется стремлением передвижников раскрыть тяжелую жизнь простого народа, в частности, проявить суровость будней крестьянских детей. Да, скудный набор взятых на берег вещей, возможно, говорит о бедности, однако, свидетельствует и о необремененности мальчишек опытом. Мальчикам маловата одежда, но и это не столько о бедности, сколько о том, что дети выросли, это символ их душевного созревания. Маковский изображает их в такой серьезный момент, когда они входят во взрослую жизнь и глядят на озеро как на ресурс своего выживания в этом мире. Одновременно, глядя в это блюдце водоема, они словно всматриваются в свою наступающую взрослую жизнь. Связь с остроактуальными временными

процессами здесь не так явна, как в некоторых других работах этого же автора (например, народнический цикл). Этому способствует нелюдимость изображенного места и лаконизм (малофигурность, диагональная композиция), обращение скорее к архаической модели освоения природы через рыболовство, чем затрагивание болезненных точек современного общества. На срезе контекста времени, пожалуй, данная работа имеет средний уровень майевтического потенциала, но с тенденцией к высокому, так как мы все же видим характерные одежду и досуг крестьянских детей.

Общечеловеческая суть (вневременной срез). Вместе с этими мальчиками мы оказались между прошлым и будущим, между жизнью и смертью: «темным лесом»/ «мутной водой» будущего и данным актуальным моментом напряженных ожиданий и больших надежд. Реализм художника в том, что он представил лес не полностью мрачным, а вперемешку с солнечными зайчиками и березками, оживляя цветками и молодой травкой. А воду изобразил не полностью в тени и тине, но и с маленькими волнами, в живой подвижности, с многообещающим богатством на глубине.

В целом, как солнышко освещает их с нежностью, так и нам хочется погладить их по этим блестящим волосам. Но в то же время, они же не смотрят на нас, зрителей. Таким образом, нет контакта взглядом, не видим трогательных глаз, никакой сентиментальной слащавости, праздности в поведении, пошловатой прелести и приветливости ликов. Скорее это такие мальчишки-борцы, неизбалованные жизнью, закаленные, готовые терпеть и ждать, а со своей природой они на «ты» (не случайно профили их представлены: это диалог, напряженный и молчаливый диалог с самой жизнью). Именно это базовое чувство единства с природой, с которой в то же время находишься в борьбе, и обеспечивает широкий охват на общечеловеческом, вневременном контексте.

Таким образом, произведением «Рыбачки» Владимира Егоровича Маковского явлен репрезентант с ареаклассицистической доминантой, основанной на академических решениях композиции и ясно прописанных деталях, впрочем, при наличии ареаромантического следа в виде тихого энтузиазмного

освоения природы и неявного соперничества братьев. Художественный образ работы оценен высоким уровнем майевтического потенциала с точки зрения личностного и общечеловеческого контекстов, однако, на срезе отражения эпохи выявлен средний уровень с тенденцией к высокому.

Библиографический список

1. Афанасьева, И. А. «Художественный текст» в произведениях В. Е. Маковского: риторические фигуры и визуальные тропы / И. А. Афанасьева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. – 2023. – Т. 13, № 2. – С. 255-272. – DOI 10.21638/spbu15.2023.203. – EDN PKDLYP.
2. Афанасьева, И. А. В.Е. Маковский и русские писатели XIX века. Неизвестные материалы / И. А. Афанасьева // Художественная культура. – 2023. – № 2(45). – С. 156-187. – DOI 10.51678/2226-0072-2023-2-156-187. – EDN WLNХND.
3. Валькова, К. В. Народническая серия картин В.Е. Маковского / К. В. Валькова // Актуальные вопросы истории Алтая : Сборник научных статей. – Барнаул : ООО "Пять плюс", 2017. – С. 207-212. – EDN ZUBRLP.
4. Грицанов, А. А. Феномен "малых сообществ": от культурологической майевтики к дисциплинарной культурологии / А. А. Грицанов // Личность. Культура. Общество. – 2011. – Т. 13, № 2(63-64). – С. 301-307. – EDN OUXILX.
5. Гусельникова, Н. А. Произведения представителей династии Маковских (К.Е. Маковского, В.Е. Маковского, А.В. Маковского) в собрании ГХМАК / Н. А. Гусельникова // Четвертые искусствоведческие Снитковские чтения : Сборник материалов XII всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию Алтайской краевой организации ВТОО "Союз художников России", Барнаул, 01–02 октября 2010 года / Научный редактор Л.Г. Красноцветова-Тоцкая. – Барнаул: Алтайский дом печати, 2011. – С. 98-104. – EDN YLEJTN.
6. Жуковский, В. И. Визуальная сущность религии: монография / В. И. Жуковский, Н. П. Копцева, Д. В. Пивоваров; Федеральное агентство по образованию, Красноярский государственный университет. – Красноярск: Красноярский государственный университет, 2006. – 460 с. – ISBN 5-7638-0628-X. – EDN: QUAYFJ.
7. Жуковский, В. И. Визуальное мышление художника и зримая сущность произведения искусства / В. И. Жуковский // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 7-2(57). – С. 70–72. – EDN: TSXQWL.
8. Жуковский, В. И. Зримая сущность / В. И. Жуковский, Д. В. Пивоваров. – Свердловск: Уральский государственный университет им. А. М. Горького, 1991. – 284 с. – EDN: SPVGGX.
9. Жуковский, В. И. Искусствовед-профессионал: единство знатока, исследователя, майевтика / В. И. Жуковский // Успехи современного естествознания. – 2010. – № 3. – С. 153-155. – EDN KYRIVT.
10. Жуковский, В. И. Произведение изобразительного искусства: феномен индексных, иконических и символических художественных образов / В. И. Жуковский // Философия и культура. – 2012. – № 11(59). – С. 128–135. – EDN: PZPYZR.
11. Жуковский, В. И. Религиозность произведений изобразительного искусства / В. И. Жуковский // Международный журнал экспериментального образования. – 2015. – № 3-3. – С. 304–305. – EDN: TNBWTP.

12. Жуковский, В. И. Теория изобразительного искусства: тексты лекций / В. И. Жуковский; Министерство образования Российской Федерации, Красноярский государственный университет. – Красноярск: Красноярский государственный университет, 2004. – 22 с. – ISBN 5-7638-0515-1. – EDN: QXQTOV.
13. Карелин, В. М. Решит ли майевтика проблемы гуманитарного образования? / В. М. Карелин // Вестник Института мировых цивилизаций. – 2017. – № 15-1. – С. 107-114. – EDN YGKLZX.
14. Маниковская, М. А. Опыт учительства: майевтика и (или) лайф-коучинг / М. А. Маниковская // Проблемы высшего образования. – 2018. – № 1. – С. 94-96. – EDN OVTHTT.
15. Сабирова, М. С. Культурно - просветительские традиции в творчестве художников династии Маковских / М. С. Сабирова, Л. А. Кошелева // Научно-методологические и социальные аспекты психологии и педагогики: сборник статей Международной научно-практической конференции, Тюмень, 11 января 2018 года. – Тюмень: Общество с ограниченной ответственностью "Омега сайнс", 2018. – С. 196-200. – EDN YLCDEG.
16. Филиппова, О. Н. Человек-эпоха (о творчестве Владимира Маковского) / О. Н. Филиппова // Флагман науки. – 2023. – № 10(10). – С. 80-82. – EDN DHPXCF.
17. Цветаева, М. Н. Творчество В. Е. Маковского и проблемы жанровой живописи 1880-90-х годов : специальность 17.00.04 "Изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения / Цветаева Марина Николаевна. – Ленинград, 1990. – 24 с. – EDN ZJYPVP.
18. Шамшева, В. В. О картине Владимира Маковского «Объяснение» 1889-1891 годов / В. В. Шамшева // Инновации в науке и технологиях. Глобальные перспективы и локальные решения 2025 : сборник научных статей I Международной научно-практической конференции, Саратов, 12 декабря 2025 года. – Варна, Казань: ЦНИИ «Парадигма», Редакционно-издательский центр «Школа», 2025. – С. 381-390. – EDN MWPOGQ.
19. Шатин, Ю. В. Герменевтика и майевтика как два способа понимания текста / Ю. В. Шатин // Критика и семиотика. – 2001. – № 3-4. – С. 167-171. – EDN VUJREN.

References

1. Afanasyeva I. A. (2023). "Khudozhestvennyy tekst" v proizvedeniyakh V. E. Makovskogo: ritoricheskie figury i vizualnye tropy. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Iskusstvovedenie, 13(2), 255–272. DOI: 10.21638/spbu15.2023.203. EDN PKDLYP.
2. Afanasyeva I. A. (2023). V. E. Makovsky i russkie pisateli XIX veka. Neizvestnye materialy. Khudozhestvennaya kultura, 2(45), 156–187. DOI: 10.51678/2226-0072-2023-2-156-187. EDN WLNXND.
3. Valkova K. V. (2017). Narodnicheskaya seriya kartin V. E. Makovskogo. In Aktualnye voprosy istorii Altaya: sbornik nauchnykh statey, 207–212. Barnaul: OOO "Pyat plus". EDN ZUBRLP.
4. Gritsanov A. A. (2011). Fenomen "malykh soobshchestv": ot kulturologicheskoy mayevniki k distsiplinarnoy kulturologii. Lichnost. Kultura. Obshchestvo, 13(2(63–64)), 301–307. EDN OUXILX.
5. Guselnikova N. A. (2011). Proizvedeniya predstaviteley dinastii Makovskikh (K. E. Makovskogo, V. E. Makovskogo, A. V. Makovskogo) v sobranii GKhMAK. In L. G. Krasnotsvetova-Totskaya (Ed.), Chetvertye iskusstvovedcheskie Snitkovskie chteniya, 98–104. Barnaul: Altayskiy dom pechati. EDN YLEJTN.
6. Zhukovsky V. I., Koptseva N. P., Pivovarov D. V. (2006). Vizualnaya sushchnost religii. Krasnoyarsk: Krasnoyarskiy gosudarstvennyy universitet. 460 p. ISBN 5-7638-0628-X. EDN QUAYFJ.

7. Zhukovsky V. I. (2015). Vizualnoe myshlenie khudozhnika i zrimaya sushchnost proizvedeniya iskusstva. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki... Voprosy teorii i praktiki, (7–2(57)), 70–72. EDN TSXQWL.
8. Zhukovsky V. I., Pivovarov D. V. (1991). Zrimaya sushchnost. Sverdlovsk: Ural State University. 284 p. EDN SPVGGX.
9. Zhukovsky V. I. (2010). Iskusstvoved-professional: edinstvo znatoka, issledovatelya, mayevtika. Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya, (3), 153–155. EDN KYRIVT.
10. Zhukovsky V. I. (2012). Proizvedenie izobrazitel'nogo iskusstva: fenomen indeksnykh, ikonicheskikh i simvolicheskikh khudozhestvennykh obrazov. Filosofiya i kultura, (11(59)), 128–135. EDN PZPYZP.
11. Zhukovsky V. I. (2015). Religioznost proizvedeniy izobrazitel'nogo iskusstva. Mezhdunarodny zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya, 3–3, 304–305. EDN TNBWTP.
12. Zhukovsky V. I. (2004). Teoriya izobrazitel'nogo iskusstva: teksty lektsiy. Krasnoyarsk: Krasnoyarskiy gosudarstvennyy universitet. 22 p. ISBN 5-7638-0515-1. EDN QXQTOV.
13. Karelin V. M. (2017). Reshit li mayevtika problemy gumanitarnogo obrazovaniya? Vestnik Instituta mirovykh tsivilizatsiy, (15–1), 107–114. EDN YGKLZX.
14. Manikovskaya M. A. (2018). Opyt uchitelstva: mayevtika i (ili) layf-kouching. Problemy vysshego obrazovaniya, (1), 94–96. EDN OVTHHT.
15. Sabirova M. S., Kosheleva L. A. (2018). Kulturno-prosvetitel'skie traditsii v tvorchestve khudozhnikov dinastii Makovskikh. In Sbornik mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 196–200. Tyumen: Omega Science. EDN YLCDEG.
16. Filippova O. N. (2023). Chelovek-epokha (o tvorchestve Vladimira Makovskogo). Flagman nauki, (10(10)), 80–82. EDN DHPXCF.
17. Tsvetaeva M. N. (1990). Tvorchestvo V. E. Makovskogo i problemy zhanrovoy zhivopisi 1880–90-kh godov (PhD diss. abstract). Leningrad. 24 p. EDN ZJYPVP.
18. Shamsheva V. V. (2025). O kartine Vladimira Makovskogo “Obyasnenie” 1889–1891 godov. In Innovatsii v nauke i tekhnologiyakh: globalnye perspektivy i lokalnye resheniya, 381–390. Saratov: Paradigma / Shkola. EDN MWPOGQ.
19. Shatin Yu. V. (2001). Germenevtika i mayevtika kak dva sposoba ponimaniya teksta. Kritika i semiotika, (3–4), 167–171. EDN VUJREN.